

Глава 26. Деревенские пустыки. Внезапный перенос сроков и тени прошлого

—

Услышав слова Линь Юэ, Сун Сюньчунь заметно успокоилась. Действительно, Шэнь Хуайчжи уже взрослый мужчина; он не заблудится в дороге.

— Тогда давайте сначала поедим сами, — предложила она. — Весь день трудились, проголодались. А ему отложим немного, пусть в котле греется.

Шэнь Чжэнчу кивнул:

— Пожалуй, так и сделаем.

Они думали, что он просто немного задержится, но на улице уже совсем стемнело, когда Шэнь Хуайчжи наконец торопливо вошел в дом. Дыхание его было прерывистым — сразу видно, что он бежал всю дорогу от самой деревни.

Линь Юэ, который уже начал дремать на кухне, мгновенно вскочил и пошел навстречу:

— Что же так поздно? Еда в котле греется, ты сначала поешь, а потом всё расскажешь.

Шэнь Хуайчжи замахал руками, пытаясь отдышаться:

— Не к спеху. Я у учителя немного перекусил, так что сейчас всё в порядке.

Линь Юэ тем временем уже расставил чашки с едой на столе:

— Всё равно поешь. Поешь и ложись скорее, а то завтра проснуться не сможешь.

— Завтра я в школу не пойду, так что не страшно.

Линь Юэ удивленно поднял голову:

— Это еще почему?

Шэнь Хуайчжи вздохнул и негромко произнес:

— Учителю совсем нездоровится. Старший соученик Гао еле уговорил его съездить завтра в город к лекарю. Нас сегодня задержали специально, чтобы дать задания на дом.

Линь Юэ нахмурился:

— Недавно виделись, старик вроде бодрым казался... Эх. Может, стоит собрать гостинцев да проведать его?

— Учитель строго-настрого запретил нам приходить. Послезавтра пойду в школу — там и посмотрю, как он.

— Ну, ладно.

На следующее утро в семье Шэнь всё шло своим чередом. Сун Сюньчунь еще до рассвета уселась в главной комнате за ткацкий станок, а Линь Юэ и Шэнь Линчжи отправились вместе с отцом в поле. Становилось всё жарче, и в любой момент мог хлынуть дождь, так что нужно

было поторапливаться с удобрением почвы.

Земли у семьи Шэнь было немного. Стоило урожаю не задаться — и возникли бы проблемы не только с налогами, но и с тем, как просто набить животы. Шэнь Чжэнчу был из тех людей, кто готов круглый год пропадать в поле, стараясь довести каждую работу до совершенства. Едва собрав урожай, он уже думал о том, как удобрить землю под следующий. За долгие годы такое усердие принесло свои плоды, и теперь он мог позволить себе хоть немного расслабиться.

Удобрение и прополка не требовали такой спешки, как жатва, а уездные экзамены (юаньши) были уже не за горами, поэтому Шэнь Хуайчжи в поле не пошел, оставшись во дворе за книгами.

В полдень, когда семья Шэнь как раз села обедать, со двора послышался торопливый топот.

— Тётушка, вы дома? — прокричал чей-то голос.

Сун Сюньчунь отложила палочки и вышла:

— Яньчжи? Ты чего это прибежал? Заходи скорее, выпей воды.

Шэнь Яньчжи изнуренно махнул рукой:

— Нет, тётушка, не зайду. Отец велел передать: через четверть часа от каждой семьи по одному человеку должны быть у родового храма. Будут объявлять новости о налогах.

Отец Шэнь Яньчжи был старостой деревни Линьшуй. Его звали Шэнь Гуанчу. Хоть они и носили одну фамилию, родство их давно вышло за пределы «пяти колен», так что, строго говоря, родственниками они не считались — просто односельчане.

Лицо Сун Сюньчунь изменилось:

— Ох, батюшки! Что же в этом году так рано начали обсуждать?

Шэнь Яньчжи покачал головой:

— Отец подробностей не говорил, только велел всех оповестить. Я еще и половину домов не обошел, так что побегу, тётушка. Не задерживай меня.

— Хорошо, хорошо, беги. Не буду тебя держать.

Когда Сун Сюньчунь вернулась в дом и пересказала новости, все были поражены. Спустя долгое время Шэнь Чжэнчу наконец произнес:

— Может, налоги и не перенесут раньше срока, так что не паникуйте. Пусть Хуайчжи и Юэ-гер сходят послушают. Я пойду закончу дела в поле, а Лин-гер пусть помогает матери ткать. Чем раньше закончим, тем спокойнее на душе будет.

Линь Юэ и Шэнь Хуайчжи согласно кивнули. Быстро доев, они вышли со двора.

Родовой храм деревни Линьшуй был довольно скромным — всего две комнаты. Зато двор был просторным и без ограды; многие привыкли сушить здесь зерно, и все важные деревенские собрания проводились именно тут.

Линь Юэ и Хуайчжи пришли одними из первых, но вокруг старосты уже столпилось несколько

человек.

— Гуанчу, почему новости в этом году такие ранние? Неужто собирать начнут раньше времени?

— Вот именно, дядя Гуан. Мы только-только закончили с крапивой, разве успеем?

Шэнь Гуанчу не отвечал, но его нахмуренные брови и опущенные уголки губ уже предвещали дурные вести.

Когда жители деревни наконец собрались, Шэнь Гуанчу повысил голос:

— Прошу тишины! Я позвал вас всех, потому что пришло извещение из уезда. Первого числа шестого месяца летний налог должен быть доставлен в управу. У нас осталось всего пять дней, так что поторапливайтесь. Кто не успеет соткать полотно — сдает деньгами, по сто вэней за один кусок грубой ткани из рами.

Обычно налог собирали в конце шестого месяца, а тут внезапно перенесли на целый месяц вперед! Деревня вмиг загудела, как растревоженный улей.

В целом летний налог был не так уж велик — один вэнь за чи ткани. Семья из пяти человек должна была сдать двадцать пять вэней. Но беда в том, что помимо летнего налога, осенью предстояло платить налог зерном и подушную подать.

Поземельный налог составлял одну двадцатую часть урожая. Подушная же подать составляла либо сто вэней с человека, либо пять дней отработки на казенных работах (повинность). Можно было отправить одного человека отрабатывать за всех: к примеру, за семью из пяти человек — двадцать пять дней службы. Звучит вроде не так уж страшно, но повинность — это тяжелейший каторжный труд. Еду нужно нести свою, отдыха нет ни на минуту. Каждый год случалось так, что кто-то возвращался домой, завернутый в простую соломенную циновку. И со смертью человека дело не заканчивалось — семье либо приходилось выставить замену, либо выплачивать откуп.

Лишь последние несколько лет погода благоприятствовала урожаю, и в деревне Линьшуй никто не выбирал отработку — люди едва-едва сводили концы с концами, но выкупались. И этот внезапный перенос летнего налога застал всех врасплох.

Слыша вопросы о том, нельзя ли получить отсрочку на пару дней, Шэнь Гуанчу лишь беспомощно вздыхал. Еще утром, когда к нему явились посыльные из управы, он вежливо заикнулся об этом, но в ответ получил лишь порцию брани. Где уж ему было спорить дальше.

— Дорогие односельчане, я понимаю, что это внезапно. Но ничего не попишешь. Мы в одной деревне живем, будем помогать друг другу — глядишь, и соберем. У кого крапива была ранняя и кто уже соткал — если есть возможность выручить соседей, давайте в долг, чтобы все сдали. Только с одним условием: долг должен быть возвращен. Тридцатого числа утром всем собраться здесь с готовым полотном.

Тут он обвел взглядом присутствующих и обратился к нескольким мужчинам:

— Вы, молодежь, когда вернетесь, не забудьте старикам своим всё передать. Тридцатого числа пусть придут и старейшины рода, чтобы быть свидетелями.

Затем он указал на нескольких крепких парней:

— Первого числа, если будете свободны, придется вам сопровождать обоз до уездного города. Особенно это касается тебя, Хуайчжи. Ты у нас единственный грамотей в деревне, если выкроишь время — обязательно должен быть с нами.

Шэнь Хуайчжи ответил:

— Понял, дядя Гуан. Если больше дел нет, мы пойдем.

— Идите, идите. Мне тоже пора.

Поскольку Сун Сюньчунь заранее готовила себя к худшему, известие не повергло её в шок.

— Я еще вчера за станок села. Впереди пять дней, если буду работать быстрее, двадцать пять чи успею соткать. В эти дни всё домашнее хозяйство ложится на плечи Юэ-гера и Лин-гера.

Линь Юэ покачал головой:

— Негоже матушке одной так убиваться. Мы будем меняться с вами.

Сун Сюньчунь улыбнулась и мягко сказала:

— Я к этому делу привычная. Вы мне просто будьте на подхвате. Ткать — дело долгое, а ведь и другие заботы по дому никуда не денутся.

Линь Юэ не стал больше спорить и принялся собирать вещи, чтобы идти в поле.

Налог собрать они могли, так что семья Шэнь в целом была спокойна. Лишь Шэнь Чжэнчу по-прежнему выглядел туча тучей. Прожив с ним бок о бок десятки лет, Сун Сюньчунь и без расспросов знала, о чем он горюет, но расспрашивать не стала — молча ушла в главную комнату.

Настала ночь. Шэнь Чжэнчу ворочался с боку на бок, никак не в силах уснуть. В конце концов Сун Сюньчунь не выдержала:

— Если совсем сон не идет — так вставай уже.

Она редко сердилась, но когда это случалось, даже Шэнь Чжэнчу становилось не по себе. Он тут же замер и перестал шевелиться.

Прошло еще немало времени, прежде чем Сун Сюньчунь вздохнула:

— Если бы я сама сегодня не спросила, ты бы так и молчал, верно?

Шэнь Чжэнчу не сразу нашелся с ответом:

— Я...

— Да уж знаю я: налоги в этом году собирают раньше, и ты переживаешь, что Юньчу не успеет их сдать. У нас самих в этом году крапиву собрали поздно, так что полотном помочь не выйдет. Послезавтра отвези ему деньги, ну и овощей-фруктов каких прихвати.

Шэнь Чжэнчу, не ожидавший, что его мысли прочтут так легко, долго что-то бормотал, но так и не смог вымолвить ни слова.

Сун Сюньчунь одарила его красноречивым взглядом:

— Ты думал, я все эти годы не знала, как ты втихаря Юньчу помогаешь? Все деньги в доме у меня, и если бы я не помнила, что тебе нужно брату подсобить, разве давала бы я тебе столько на личные расходы?

Просто раньше Шэнь Чжэнчу обычно навещался к брату в конце осени, сразу после сбора урожая. К тому времени у него на руках скапливались и свои крохи, и то, что давала жена, так что сумма выходила приличная. В этом же году сроки перенесли, и он, по всей видимости, еще не успел накопить достаточно.

Лицо Шэнь Чжэнчу мгновенно залилось краской, он даже как будто рассердился от неловкости:

— Я... ничего я не делал! Откуда ты вообще узнала?

Посмотрите только, как занервничал — даже слова связать не может.

На самом деле Сун Сюньчунь вовсе не хотела его разоблачать. Каждый год наблюдать за тем, как он крадучись уходит из дома, было даже забавно. К тому же она подозревала, что при характере Шэнь Чжэнчу он за все эти годы, скорее всего, так и не решился перекинуться с Юньчу и парой слов — бедный Юньчу, каково ему было.

Но видя, как муж изводится от тревоги, она не выдержала и решила вскрыть карты, чтобы избавить его от необходимости вечно придумывать оправдания.

— Хорошо, тогда решено.

Шэнь Чжэнчу еще не до конца пришел в себя.

— Хуайчжи в этом году женился... Может, нам стоит обсудить такие траты с ним? — растерянно спросил он.

Тут уж Сун Сюньчунь не сдержала смешка:

— Ты думаешь, Хуайчжи не знает? Это я ему строго-настрого наказала не лезть не в свое дело. Один только Линчжи у нас простофиля, верит тебе на слово.

Потрясение этой ночью было слишком сильным. Шэнь Чжэнчу, не в силах больше это выносить, молча отвернулся к стене и погрузился в глубокие раздумья.

Но Сун Сюньчунь не унималась:

— Завтра велю Хуайчжи поговорить с Юэ-гером. В нашей семье секретов быть не должно. Ах да, и Линчжи надо рассказать.

Шэнь Чжэнчу: — ...

Будь в доме хоть еще одна свободная комната, он бы сейчас же туда сбежал.

—

Шэнь Хуайчжи пробыл дома всего один день. Он заговорил об этом с Линь Юэ только на следующий вечер.

Линь Юэ заметил:

— Не думал, что отец такой гордый. Мне кажется, маленький дядя принимает помощь отца именно потому, что не держит на него зла. Если бы хоть один из них проявил инициативу, они бы не избегали друг друга столько лет.

Шэнь Хуайчжи кивнул:

— В этом плане отец и маленький дядя и впрямь очень похожи. Отец винит себя перед ним — считает, что из-за его никчемности дяде пришлось так выйти замуж. А маленький дядя, верно, боится, что его обуза испортит отношения между моими родителями, вот и не решается идти на контакт.

Линь Юэ никогда не видел этого маленького дядю, но по рассказам домочадцев тот казался человеком достойным. К тому же, раз свекор относился к нему хорошо, Линь Юэ стало любопытно.

— Может, нам стоит как-то поспособствовать их примирению? А то ведь так и будут всю жизнь друг о друге втайне печься, не видясь. Отцу уже за сорок, если тянуть дальше, может стать слишком поздно.

Шэнь Хуайчжи и сам за эти годы не раз пытался намекнуть отцу на это, но безрезультатно, поэтому в его голосе прозвучало сомнение:

— Давай выберем подходящий момент и попробуем. Нужно найти повод, чтобы им обоим было удобно сделать шаг навстречу.

— Хорошая мысль. Кстати, ты сегодня был в школе, как там старый наставник Гао?

Голос Шэнь Хуайчжи стал глухим:

— Лекарь сказал — старость. Выписал укрепляющие отвары.

Рождение, старость, болезни и смерть — таков порядок вещей с древних времен, и человеку это не изменить.

Линь Юэ тоже понизил голос:

— Тогда поищем как-нибудь вкусного угощения и отнесем ему, пусть это будет нашим скромным знаком внимания.

— Но раз старому господину Гао нездоровится, почему ты сегодня так поздно вернулся? Ему ведь нужен покой.

Шэнь Хуайчжи сжал руку Линь Юэ, на его лице отразилась печаль:

— Учитель всё думает о том, что нам в этом году сдавать экзамены. Он не хочет отдыхать и настоял на том, что продержится, пока мы не отучимся.

На всю округу частная школа была только у старого сюця Гао, да еще две в городе. У Гао сюця учились дети из семей с небольшим достатком, а то и вовсе сыновья из бедных семей. Проработав учителем столько лет, он всем сердцем желал довести дело до конца и воспитать хотя бы еще одного сюця.

Линь Юэ стало грустно. Он придвинулся ближе и начал негромко утешать Хуайчжи.

На следующий день под пристальными взглядами всех домочадцев Шэнь Чжэнчу в одиночку вышел за ворота с узлом вещей.

Вернулся он меньше чем через два часа. Сколько Сун Сюньчунь ни допытывалась, как прошла встреча, он не проронил ни слова. Рассерженная жена лишь уткнулась в свой станок и больше с ним не заговаривала.

Незаметно настал день уплаты налога.

Уже клонилось к вечеру, когда Сун Сюньчунь и Линь Юэ едва успели закончить ткать полотно. Шэнь Хуайчжи велели поскорее отнести его в родовой храм.

Это была своего рода поблажка для Хуайчжи за то, что завтра он поможет сопровождать обоз в уездный город. Остальных сельчан торопили сдать всё еще утром, а семье Шэнь позволили дотянуть до вечера, и староста даже не пришел их подгонять.

Когда Шэнь Хуайчжи пришел к храму, там всё еще было много народу. Шел подсчет, проверяли списки — работа кипела вовсю.

Он подошел к старосте и сложил руки в приветствии:

— Дядя Гуан, вот полотно от нашей семьи. Прошу принять.

—

<http://bllate.org/book/17206/1614971>